

проявляла к своему делу и людям, окружавшим ее, когда встала на революционный путь. Сохранились в Софье и воспитанные с детства смелость и серьезность. Эти качества она неоднократно проявляла как женщина-революционерка.

Библиографический список

1. Кордес В. Н. Софья Перовская. М., 1926. 80 с.
2. Перовский В. Л. Воспоминания о сестре: (Софье Перовской). М.; Л., 1927. 114 с.

М.В. Никулин

Саратовский государственный университет

ПЕРЕД УНИВЕРСИТЕТАМИ. ВЫБОР ЖИЗНЕННОГО ПУТИ РАЗНОЧИННЫМ РАДИКАЛОМ 1860-Х ГГ.

Время правления императора Николая I отличалось несколько парадоксальным положением в общественной мысли и исторической памяти. С одной стороны, это период практически «тотального господства» самодержавной власти, неоспоримого могущества «кнута» во всех сферах жизни социума, но с другой, на фоне «золотого века» русской культуры вызревали новые интеллектуальные традиции, внешне скованные пресловутыми «цепями», но внутренне — совершенно свободные и разнообразные. Так, из славянофилов и западников вышло сразу две линии развития русской мысли в целом и сообщества интеллигенции в частности, впоследствии разветвившиеся на отдельные направления. Одним из таких направлений, ставших магистральным, является сообщество разночинных радикалов. Для подавляющего большинства русских интеллигентов середины — второй половины XIX века рубежом, определившим окончательно их мировоззрение и умственный строй, служит смерть Николая I и последовавшие за ней «обличительные» настроения в общественной мысли.

Н.В. Шелгунов со своей стороны видит объяснение в таком внезапном переломе, произошедшем во внутренней жизни общества и которому вынуждено было последовать «послесевастопольское» правительство, в «чувстве страха», которым неуклонно злоупотребляли все структуры времен николаевского царствования. С кончиной же императора как главного поборника этой «запугивающей дисциплины» все общественные связи, построенные «на одном лишь страхе», сломались и открылось пространство, на котором «мы и начали строиться» заново [1, с. 78]. Своим личным моментом необратимого перелома Шелгунов называет поездку за границу, которая стала для него «первым наглядным уроком общественной гуманности и порядочности простого, будничного обихода» [1, с. 81]. На контрасте с видами провинциальной России, которую Николай Васильевич успел изъездить за девять лет службы при Лесном департаменте, «свободная и благо-

получная» жизнь европейцев смотрелась ошеломляюще. Подобное распространное представление о западной жизни послужило одним из источников вдохновения для шестидесятников, сделавших гуманность своим «самым благородным и великодушным протестом» против «тупости, грубости и жестокости прежнего общественного и домашнего строя» [2, с. 162].

Его будущая жена Л.П. Шелгунова, испытывавшая немалое воздействие «свободолюбивой» матери, уже в письмах 1850—1851 гг. обсуждала с Н.В. - Шелгуновым вопросы установления равноправия в супружеских отношениях — и тот все дальше отходил от «традиционных» позиций, когда «среднее число женщин» ставилось «далеко ниже мужчин» во всех смыслах [3, с. 45]. Так же, как и Шелгунов, Людмила Петровна прочувствовала влияние заграничной поездки в предреформенную эпоху, когда месяц в Париже совершенно ее «одурманил» до такой степени, что та стала «бредить эшафотом» [3, с. 76]. Подобное умонастроение молодой «кокетки» Л.П. Шелгуновой, сохранявшееся и в начале 1860-х гг., зафиксировала в своем дневнике Е.А. Штакеншнейдер. В ее взглядах на эмансипацию женщин и возвышенных оценках «лореток» хозяйка литературного салона увидела жажду «бесцельного разрушения», доставлявшего наслаждение, словно «томи-мому жаждой первый глоток воды» [4, с. 344]. Так, Шелгунова являла собой типовой образ эмансипированной «нигилистки».

Определение жизненного пути Н.Г. Чернышевского во многом было связано с условиями его умственного роста, предоставленными его отцом. Научные и тем более «общественные» интересы молодого Николая Гавриловича, по свидетельству А.Н. Пыпина, шли гораздо дальше не удовлетворявшей его семинарской программы и, в целом, духовного образования, в результате чего он — не без поддержки семьи — избрал вместо духовной академии университет [5, с. 23]. Вместе с тем не сохранилось никаких свидетельств о серьезных материальных «мытарствах» Чернышевского в саратовской семинарии, которые обычно отмечаются в мемуарах многих других «бурсаков». Для них зачастую, как замечала Манчестер, характерно противопоставление школы и семьи в соотношении «ад и рай» [6, с. 225] — восприятие, впервые ярко обозначенное в русской культуре «Очерками бурсы» Н.Г. Помяловского и сохранявшееся в среде поповичей вплоть до ранних советских лет. Для Чернышевского же свойственно скорее равнодушие и снисходительность к бурсацкому этапу, нежели явственная неприязнь. Однако уклон в сторону духовного образования, данного при домашнем обучении и в семинарии, не прошел для него даром: для Николая Гавриловича, как и для большинства других выходцев из духовного сословия с соответствующим образованием, была характерна та самая «религиозная настроенность», сквозь призму которой они воспринимали «прогрессивные» идеи и примыкали к радикальному движению [6, с. 248].

Так, жизненный выбор лиц из складывающейся радикальной интеллигенции достаточно часто происходил из тех социально-бытовых и интел-

лектуальных условий, когда стремление к «внутренней свободе», несмотря на внешнее подавление, не угасало, а напротив, лишь возрастало и ждало момента, чтобы вырваться вовне.

Библиографический список

1. Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания в 2 т. Т. I.: Воспоминания Н.В. Шелгунова. М., 1967.
2. Кузнецов Ф.Ф. Круг Писарева. М., 1990.
3. Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания в 2 т. Т. II.: Воспоминания Л.П. Шелгуновой и М.Л. Михайлова. М., 1967.
4. Штакеншнейдер Е.А. Дневники и записки (1854–1886). М., 1934.
5. Пыпин А.Н. Мои заметки. М., 1910.
6. Манчестер Л. Поповичи в миру. Духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015.

Т.В. Кроз

Высшая школа экономики, г. Москва

СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ КАК ОБЪЕКТ ЭКСПЕРТИЗЫ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ

«Члены съезда благотворителей в Петербурге отрицают частную подачу милостыни (какой абсурд!)... Нет, гг. благотворители, частная благотворительность спасает от голода, дает нуждающемуся жизнь и предоставляет подающему милостыню лучший способ вспомнить о Боге и, вместе с тем, доставить своему сердцу самое приятное чувство, какое всегда человек может получить от его сострадания к ближнему» [1, с. 3], — писало в марте 1910 года «Русское знамя», откликаясь на труды Первого Всероссийского съезда деятелей по общественному и частному призрению.

К началу XX века обсуждение проблем общественного призрения становится частью формирования нового языка социальной политики. В публичном пространстве пересекаются различные языки описания помощи, между которыми разворачивается спор о смысле общественного участия. В этой полифонии голосов возникает конфликт, зафиксированный в реплике «Русского знамени»: между традицией частной благотворительности и новым пониманием помощи как системы знания и управления.

Складывание профессионального сообщества «деятелей по призрению» стало результатом процессов, начавшихся после реформ 1860-х годов, когда благотворительность перестала пониматься как частное дело милосердия. К рубежу XIX–XX веков формируется представление об «общественном призрении» как форме гражданской ответственности и части социальной политики [5, с. 165]. Внутри благотворительных ведомств складывается профессиональная среда, где вырабатываются аналитические подходы и методы статистического учета. Развитие профильных комиссий, специали-